

Моск. новости, -
- 1991. - 4 марта (№9). -
- с. 14

«Четыре жизни Варлама Шаламова»

Телефильм о писателе,
поднявшемся из ада

Документы уничтожены, вышки спилены, проволока смотана. Были ли мы? Колымская проза Варлама Шаламова, безжалостная, как сама каторга, внешне почти бесстрастная, свидетельствует: были. Освободившись в 1951 году после 17 лет лагерей, писатель до конца дней терзался вопросом: почему я пишу? Я не верю в литературу. Безнравственно делать человеческое страдание предметом искусства.

Но вот сама мученическая жизнь и писательский подвиг Варлама Шаламова стали предметом искусства: режиссер Александр Ерастов, сценаристы Ираида Сиротинская и Александра Свиридова сняли о нем художественно-документальный фильм. Жаль только, что наше ЦТ, призванное теперь утешать зрителя, запрятало эту достойную работу ближе к полуночи, в будний день.

Дух растоптанный, безнадежность и распад вынес Шаламов из лагеря. Лагерь — отрицательный опыт, утверждает он. Человек не должен даже слышать о нем, это — растление для всех. Самого себя он уподобил Плутону, поднявшемуся из ада. Создатели фильма, соединив «Колымские рассказы» и другие произведения Шаламова в одно слитное повествование, стремятся показать не только бездну, куда рухнуло наше общество, но и возможность выбраться из нее.

В первый раз Шаламов был арестован в 1929 году за распространение «завещания» Ленина и, оказавшись в Бутырской тюрьме, понял, что одиночество — оптимальное состояние человека. И еще одну полезную истину он тогда усвоил: русский интеллигент без тюрьмы не вполне русский интеллигент.

Вторично в его дверь постучали в 1937 году, и в той же Бутырке он услышал от сокамерника редкий комплимент: «Вы можете сидеть в тюрьме». В лагере на Колыме Шаламов катал тачки на приисках, пока не свалился от дизентерии и пеллагры. Осенью 1943 года он полз доходягой вдоль кювета и дополз до больничного барака.

Ровным, чуть надтреснутым голосом актер Петр Щербаков читает жизнеописание Варлама Шаламова, одного из миллионов советских зэков, заживо погребенных, смолотых в лагерную пыль, и самое страшное в этой судьбе — ее типичность, ее обыденность. Нетипично было то, что Шаламов выжил.

Вернувшись в Москву, он шел через весь город в Лаврушинский переулок, где его ждал Пастернак и где он услышал вторую в жизни похвалу. У вас пушкинское определение рифмы — как поискового инструмента, сказал ему Пастернак.

Это лишь на первый взгляд кажется, что между комплиментом о пригодности к тюремной камере и о пушкинском смысле рифмы нет никакой связи. Связь в том, что побеждает тупую и животную силу слабый дух, бесплотный и бессмертный. Разумеется, эта сентенция красива и утешительна для читателя, зрителя, для потомка. Однако и фильм нам рассказывает, что, вспомнив вдруг в лагере это странное слово «сентенция», Шаламов неделю не понимал, что оно значит, а когда понял, содрогнулся от радости.

Похожую радость испытываешь, когда перед тобой проходят «Четыре жизни Варлама Шаламова» (детство и юность в Вологде, два лагерных срока, освобождение): беспросветный мрак ГУЛага преобразуется в великое слово. И великое слово Шаламова напоминает: история повторяется. Любой расстрел 1937 года может быть повторен...

Ольга МАРТЫНЕНКО.